

Къ націонализаціи начальной школы на окраинахъ Россіи.

На только что закрывшихся сѣздахъ по семейному воспитанію и по женскому просвѣщенію среди множества разныхъ способовъ поднять просвѣщеніе и улучшить воспитаніе дѣтей было указано на желательность ввести какъ въ воспитаніе семейное, такъ и въ обученіе школьное какъ можно больше національныхъ началъ. Теоретическое философско-психологическое обоснованіе этому требованію дано было въ прекрасныхъ докладахъ г. Динзе «Національное воспитаніе»; практическую необходимость націонализировать и воспитаніе и первоначальное обученіе старалась уяснить. Доклады г. Динзе не были достаточно оцѣнены слушателями при той лихорадочной торопливости, съ какою на сѣздахъ смѣнялись доклады, часто безъ всякаго ихъ обсужденія, вниманіе публики больше останавливалось на тѣхъ или другихъ практическихъ педагогическихъ указаніяхъ, чѣмъ на философскомъ обсужденіи той почвы, на которой должно созидаться правильное семейное и школьное воспитаніе. Къ тому же и самое слово «національное», «націонализація» въ послѣднее время для многихъ звучитъ такимъ сомнительнымъ лозунгомъ, что, не выяснивши содержанія этого воспитательнаго начала, трудно завоевать для него прочное положеніе. И конечно къ докладу г. Динзе особенно чутко отнеслись слушатели, принадлежащіе къ негосподствующимъ въ Россіи, а угнетаемымъ націямъ — украинцы, латыши

грузины и др. Наболѣе холодно отнеслись къ націоналізації воспитанія именно великоруссы. Они прямо говорили, что «національное чувство стоитъ у нихъ на очень низкой температурѣ» и имъ непонятна та страстность, съ какою говорятъ о своихъ національныхъ притѣсненіяхъ другія народности. Намъ же, педагогамъ, попытка націонализировать и воспитаніе и обученіе конечно и желательна и давно осознана, какъ вѣрнѣйшій путь къ демократизаціи и воспитанія и обученія. Какъ бы ни былъ для насъ дорогъ общій идеалъ человѣка—какъ цѣль воспитанія, какіе бы широкіе горизонты ни желало открыть обученіе,—подходя къ дѣлу воспитанія и обученія народныхъ массъ, мы прежде всего наталкиваемся на два тезиса современной педагогіи: 1) индивидуализируй свое воспитаніе и обученіе согласно индивидуальнымъ особенностямъ воспитанника и 2) начинай обученіе съ родного, знакомаго уже ученику. Основывая свою педагогическую работу на этихъ двухъ устояхъ, мы неизбѣжно должны націонализировать обученіе, давая населенію каждой народности воспитаніе, согласное съ его національной культурой, знакомя его прежде всего съ роднымъ національнымъ бытомъ, искусствомъ, исторіей, пробуждая его любовь къ людямъ и къ прекрасному, начиная съ родныхъ и съ родного ему. Безъ націоналізації просвѣщеніе въ такихъ разноплеменныхъ государствахъ, какъ Россія, никогда не демократизируется, т.-е. не станетъ доступно и дорого самой народной массѣ. И конечно однимъ изъ первыхъ, главныхъ орудій такой демократизаціи народнаго просвѣщенія является родной языкъ каждой народности, признанный законнымъ для нея орудіемъ развитія мысли. Стоитъ заглянуть въ любую инородческую или украинскую или бѣлорусскую школу, и вы увидите такое издѣвательство надъ душою ребенка, такое попраніе всѣхъ требованій педагогіки, что станетъ совершенно непонятно, за что дѣти столько милліоновъ обречены на завѣдомое страданіе и кому нужно такое

сознательное калѣченіе дѣтскаго ума и сердца? Вотъ, напр., первый день въ украинской народной школѣ. Бѣгутъ ребяташки веселой гурьбой записываться. Украинскій народъ издавна отличался большимъ тяготѣніемъ къ школѣ, и % поступающихъ въ школу дѣтей всегда чрезвычайно великъ въ украинскомъ населеніи. Матери приодѣли своихъ ребятъ, какъ на праздникъ, глазенки у дѣтей блестятъ, они полны гордаго сознанія, что пришли учиться. Но вотъ начинается неожиданное для нихъ страданіе. «Бесѣда» учителя совершенно непонятна—потолокъ, скамейка, ребенокъ не понимаетъ этихъ словъ, а учителю кажется, что къ нему собрались какіе-то идиоты, не понимающіе «самыхъ обыкновенныхъ вещей». Дѣти и именъ своихъ не узнаютъ: «Панась» не откликается, когда учитель величаетъ его Аванасіемъ, Приска не встаетъ, когда ее вызываютъ подъ именемъ Ефросиньи. Холодокъ закрадывается въ душу дѣтей, такимъ чужимъ становится для нихъ и учитель, говорящій непонятною панскою рѣчью, и классъ, гдѣ на нихъ сразу начинаютъ сердиться. Но вотъ учитель показываетъ картину для оживленія класса. Она вся изъ быта Великороссіи. Хата—не хата, а какая-то бревенчатая невиданная дѣтьми «изба», упряжь съ дугою, люди въ невиданной одеждѣ—все это хотя и не родное, но интересное. Дѣти оживаютъ, одинъ мальчуганъ съ восторгомъ кричитъ: «онъ пивень на плоту!» Настаетъ очередь учителя не понимать учениковъ,—на пѣтуха говорящихъ «пивень», на заборъ «плотъ»! Но авторитетъ его положенія вызываетъ съ его стороны негодованіе не на себя, за то, что пришелъ къ дѣтямъ, не зная ихъ языка, не потрудился ознакомиться съ населеніемъ, которое намѣревается просвѣщать, а на ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, которыя пришли въ школу съ своимъ богатымъ языкомъ, съ опытомъ своихъ наблюденій, своихъ переживаній за 8—9 лѣтъ жизни, самыхъ богатыхъ впечатлѣніями. Но учителю, закинутому въ Украину, можетъ быть, съ другого конца Россіи, ни-

когда во всѣхъ своихъ подготовительныхъ семинаріяхъ, гимназіяхъ, институтахъ ничего о жизни украинскаго народа не слышавшему, незнаніе русскихъ словъ кажется послѣдней степенью тупости, и онъ сердито кричитъ: «Господи! русскаго языка не знаютъ! идиоты!» И взаимное пониманіе между нимъ и дѣтьми уже невозможно, дѣти притихли, они подавлены собственнымъ невѣжествомъ: ученье, такъ манившее ихъ еще вчера, сегодня стоитъ передъ ними какимъ-то недосыгаемымъ, труднымъ, не для нихъ существующимъ. И радость смѣняется отчаяніемъ. Понятно, что больше $\frac{1}{2}$ дѣтей бросаютъ школу съ первой же группы. «Начало ученья въ украинской школѣ,—пишутъ сами учителя,—это каторжная работа, одинаково мучительная и дѣтямъ и учителю. Наламывать дѣтскій языкъ на русскую рѣчь, какой они почти не слышали, заучивать съ ними незнакомыя слова и разомъ учить съ ними чужую азбуку,—это выходитъ какимъ-то издѣвательствомъ надъ ребенкомъ, котораго насильно искусственно ставятъ въ положеніе тупого идиота. Гдѣ же тутъ всѣ педагогическія требованія уваженія ребенка, знакомства съ его дошкольнымъ опытомъ»¹⁾.

Если большая половина поступающихъ бросаетъ школу съ перваго же года, то не экономическія причины тому виною, а невозможная постановка преподаванія въ украинскіихъ школахъ. Тѣ, кто и два года посѣщаютъ школу, дальше букваря не идутъ. Неудивительно, что % оканчивающихъ школу въ украинскіихъ селахъ ниже, чѣмъ въ большинствѣ великорусскіихъ, и не поднимается выше 9—11%, а бывали и такіе годы, что по 76 церковно-приходскіихъ школахъ не было никакихъ окончившихъ. Между тѣмъ украинскія земства не жалѣютъ средствъ на свои школы, они нерѣдко строятъ прекрасныя школьныя зданія, берутъ учащихся съ высокимъ ценомъ; объ одномъ они не забо-

тятся—чтобъ эти учащіе дѣйствительно могли научить своихъ учениковъ, ведя преподаваніе согласно требованіямъ педагогики, на родномъ языкѣ учащихся, на основѣ дошкольнаго опыта дѣтей, постепенно расширяя ихъ умственный горизонтъ, отъ родного, близкаго переходя къ далекому. Результаты же современной украинской школы получаются самые отрицательные: мальчики, отличающиеся въ семьѣ выдающимися способностями, дѣти съ творческой инициативой, ученики, обладавшіе до школы талантомъ рассказчиковъ своихъ родныхъ сказокъ, словесно богатые на своемъ родномъ языкѣ,—въ чуждой имъ школѣ, постоянно уличаемые учащими въ низкомъ непониманіи «самыхъ простыхъ вещей», постоянно оскорбляемые насмѣшками надъ своимъ языкомъ, скорѣе другихъ превращаются въ запуганныхъ, озлобленныхъ тупицъ: ихъ творческія силы покарѣны, ихъ мысль не работаетъ нормально, ихъ собственное достоинство унижено. Они говорятъ какимъ-то уродливымъ языкомъ, гдѣ русскія слова произносятся не съ пужными удареніями и не вызываютъ въ ихъ собственномъ воображеніи никакой красоты, никакихъ образовъ. Жутко слушать, какъ декламируютъ въ украинскіихъ школахъ Пушкина или Лермонтова, совершенно не понимая поэтической красоты сочетанія непонятныхъ словъ и понятій, напр.: Буря мглою небо кроетъ,—буря могилою небо кроить (рѣжетъ)—предлагаемъ оцѣнить тотъ нонсенсъ, какой получается въ мысляхъ украинскаго мальчика при такомъ пониманіи великихъ русскихъ поэтовъ. А своихъ нельзя учить. На всѣхъ школьныхъ елкахъ чуть удастся провести декламацию басень Глібова (украинскаго поэта), дѣти сразу оживаютъ, откуда берется выразительность дикціи, юморъ въ выраженіи лица и интонаціи. Вы видите сознательное пониманіе содержанія и правильную оцѣнку сатиры. Но басни Глібова «строго воспрещаются», хотя онѣ такъ же невинны, какъ и Крылова; а басни Крылова съ его народнымъ великорусскимъ языкомъ особенно трудно даются украин-

¹⁾ См. журн. „Світло“ 1912 г., № 1—3, статьи Міровця и Пана: сенко.

скимъ дѣтямъ и конечно не оказываютъ на нихъ никакого—ни эстетическаго, ни моральнаго—впечатлѣнія. Да и вообще школа, чуждая населенію, оказываетъ на дѣтей самое деморализующее вліяніе: все, что ребенокъ до 8 лѣтъ привыкъ любить, уважать—мать, отецъ, родная обстановка, обычаи семьи и села, пѣсня родная—все это должно оставаться тамъ въ хатѣ, на порогѣ школы ребенокъ долженъ отрясти прахъ отъ всего роднаго,—ему нѣтъ мѣста въ школѣ. Въ дѣтяхъ искусственно развиваются презрѣніе къ родному, но не могутъ воспитать любовь и къ навязываемому насильно чужому. И вырастаетъ поколѣніе, у котораго порвана связь съ селомъ, съ народомъ и которому все одинаково чуждо и родина, и отечество, которое жаждетъ только карьеры, выйти въ «паны», лишенное одухотвореннаго отношенія къ жизни.

Тяжело положеніе и учащихся въ украинскихъ школахъ. Если они сами украинцы и честно относятся къ своему дѣлу,—они учатъ дѣтей по-украински, говорятъ съ ними по-украински и—попадаютъ въ конфликтъ съ администраціей, ихъ переводятъ изъ школы въ школу, удаляютъ совсѣмъ съ учительской службы, арестовываютъ, ссылаютъ. Если они пріѣзжіе, незнакомые съ краемъ люди, но педагоги добросовѣстные, они рассчитываютъ скоро научиться языку дѣтей, надѣются внимательной подготовкой къ каждому уроку сумѣть объяснить дѣтямъ все, что для нихъ можетъ быть непонятно. Но тутъ начинается рядъ недоразумѣній. Читаютъ дѣти въ классѣ: «отецъ поцѣловалъ сына и положилъ его въ люльку». Къ удивленію учительницы, дѣти начинаютъ пересмѣиваться, толкать другъ друга. Наканунѣ учительница, готовя урокъ, считала эту фразу слишкомъ понятной, чтобъ на ней останавливаться. Теперь она со страхомъ видитъ, что одна дѣвочка посмѣлѣе готовитъ ей сюрпризъ: «Вѣрно маленькій былъ сынъ, что въ люльку влѣвъ», говоритъ она, вопросительно глядя на учительницу. Но та не знаетъ, что ей сказать, она не знаетъ что «люлька» по-украински не

колыбель, а короткая курительная трубочка. На другой день такая же «простая» фраза на урокъ ариметики вызываетъ также неожиданно для учительницы неудержимый смѣхъ класса: «торговцы сложили свой товаръ въ ящички». Но «товаръ» по-украински значитъ скоть—волы, коровы. Дѣти недоумѣваютъ, какъ ихъ «сложить въ ящички». И русскіе добросовѣстные учителя не долго выдерживаютъ такія ежедневныя недоразумѣнія, они сознаютъ весь вредъ своей работы и бѣгутъ изъ чужой для нихъ школы. Они не въ силахъ работать сквозь зримый міру смѣхъ и незримые міру слезы, учить не зная, гдѣ кончается для дѣтей понятное и начинается непонятно, неосиливаемое ими. И остаются въ украинскихъ школахъ только учителя ремесленники, карьеристы. Они не ищутъ живой связи съ дѣтьми, съ населеніемъ, они не ставятъ себѣ никакихъ просвѣтительныхъ задачъ, они работаютъ по усмотрѣнію начальства и получаютъ награды: ихъ ученики пишутъ диктовки русскія на 5, они выучиваютъ на память классныя хрестоматіи, чтобы на случай пріѣзда начальства прочитать любую страницу безъ запинки. Имъ все равно,—учить ли киргизовъ, украинцевъ, латышей, для всѣхъ вѣдь и книги и пособія одинаковыя. Отъ хладныхъ финскихъ береговъ до пламенной Колхиды въ школѣ все должно быть одинаково, и для такихъ школъ дрессируются и подобающіе учителя. А между тѣмъ противъ такого однороднаго шаблона школьныхъ плановъ и программъ уже высказывается вся европейская наука, и невольно при этомъ вспоминается мнѣ негодование одного бельгійскаго педагога, ревизовавшаго школы одного изъ департаментовъ Бельгіи. «Нѣтъ, современная школа,—говоритъ онъ,—еще далека отъ жизни, она не достаточно связана съ той мѣстностью, гдѣ она созидалась. Она еще слишкомъ часто является тѣмъ традиціонно-безличнымъ зданіемъ, въ которомъ съ одинаковымъ успѣхомъ могутъ смѣняться всякіе школьные учителя—и съ сѣвера, и съ юга, и съ запада, и съ востока.

Куда бѣ они ни пришли, у нихъ тотъ же учебникъ въ рукахъ, они могутъ въ крайнемъ пунктѣ на границахъ съ Франціей продолжать тотъ же урокъ, какой начали на нашемъ сѣверѣ, не оглядываясь кругомъ—не измѣнилась ли передъ ними дѣтская аудиторія, не измѣнились ли природа и населеніе за крѣпко закрытыми окнами школы. Ребенокъ, пришедшій въ школу изъ среды народа, сынъ земледѣльца, ремесленника, рабочаго, входя въ эту абстрактную атмосферу, сразу чувствуетъ себя полнымъ невѣждою—школьнаго онъ не понимаетъ, а его дошкольный опытъ никому не нуженъ; для школьнаго учителя его дѣтская головка должна быть *tabula rasa*, на которой онъ будетъ начертывать оторванные отъ всего окружающаго «знанія». Какая излишняя потеря времени! Вѣдь эти же дѣти будутъ работать на этой землѣ, на этихъ рѣкахъ, почему же не начинать ученіе съ этого близкаго для дѣтей міра? Національная, областная школа на нашъ взглядъ является наилучшей для воспитанія полезныхъ для своего края работниковъ, а слѣдовательно полезныхъ и для общаго дѣла прогресса» (см. *Ecole nationale*, ст. *Vlauguernou*. 1912 г.).

Но ни такіе учителя, ни такія школы не дадутъ народнымъ массамъ просвѣщенія, не воспитаютъ изъ дѣтей честныхъ гражданъ, работниковъ своей родины. Чтобы дѣйствительно пробудить умственное сознаніе и нравственное чувство народныхъ массъ, необходимо широко націонализировать народное образованіе и воспитаніе, нужно, чтобы каждая народность имѣла такую школу, въ какой звучала бы ея родная рѣчь и отражалась ея національная культура. Чтобъ въ каждой области учащіеся были ознакомлены съ мѣстной географіей и мѣстной исторіей; чтобъ каждая нація въ своей школѣ изучала прежде всего произведенія своей національной поэзіи. Такая школа будетъ дорога каждому народу, она прочно, плодотворно разовьется на родныхъ устояхъ и изъ нея выйдутъ люди, умѣющіе понимать нужды своей земли,

готовые отдать ей свои лучшія силы. Въ этой школѣ дѣти будутъ уважать и свою мать и своего отца и на этомъ уваженіи выучатся уважать и другихъ людей. Нельзя научить дѣтей любить людей, начавъ ихъ воспитаніе съ оскорбленія и ихъ самихъ, и тѣхъ, кто до тѣхъ поръ былъ имъ дороже всѣхъ. За такую націонализацию школы должны стоять всѣ сознательные педагоги, потому что въ ней залогъ демократизации школьнаго ученія и лучшая основа для развитія творческихъ силъ ребенка и его гуманнаго отношенія и къ своему народу, и ко всѣмъ людямъ вообще.

С. Русова.